МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
КАЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ

Л. А. АНДРЕЕВА, С. Ф. ЗАНЬКО

ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВОГО РАЗВИТИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

КАЗАНЬ — 1970

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
КАЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ

Л. А. АНДРЕЕВА, С. Ф. ЗАНЬКО

ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВОГО РАЗВИТИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

(пособие для преподавателей и студентов)

КАЗАНЬ — 1970

Печатается по решению редакционно-издательского Совета Казанского педагогического института.

Ответственный редактор — проф. **В. М. Марков.**

Редактор **Э. А. Салимова.**

ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВОГО РАЗВИТИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Проблема языкового развития всегда была в центре внимания языковедов [1]. Лишь появление структурализма заметно уменьшило интерес к ней. Это вполне понятно. Ведь структуралисты (особенно на начальном этапе) резко противопоставили синхронию и диахронию и практически полностью отрицали категорию значения. Это привело к концентрации внимания на таких вопросах, как выявление языкового кода и формальных синтаксических характеристик системы языка, что, естественно, отодвинуло на второй план проблему языкового развития.

Но в последние годы мы являемся свидетелями постепенного возрождения интереса к проблеме языкового развития со стороны лингвистов всех школ и направлений. Внешним выражением этого процесса является увеличение числа научных публикаций, в которых прямо или косвенно затрагиваются различные аспекты проблемы языкового развития, либо рассматривается вся проблема в целом [2].

---

[1] С краткой историей вопроса можно ознакомиться по работам: С. Д. Кацнельсон. Прогресс языка в концепциях индоевропеистики, Изв. АН СССР, Отд. литер и языка, 1940, № 3; Р. А. Будагов. Проблемы развития языка, Наука, М.—Л., 1965, стр. 5—40.

[2] См., например, А. Мартине. Принцип экономии в фонетических изменениях, ИИЛ, М., 1960; его же, Основы общей лингвистики, в сб. «Новое в лингвистике», ИИЛ. М., 1963; Сб. «Развитие современного русского языка», АН СССР, М., 1963; Э. Косериу. Синхрония, диахрония и история, в сб. «Новое в лингвистике», вып. 3, ИИЛ, М., 1963; А. А. Леонтьев. Возникновение и первоначальное развитие языка, АН СССР, М., 1963; Сб. «Развитие грамматики и лексики современного русского языка» М., 1964; Р. А. Будагов. Проблемы развития языка, изд. «Наука», М.—Л., 1965; Сб. «Развитие лексики современного русского языка», М., 1965; Сб.

Можно говорить и о внутренних причинах повышения интереса к проблеме языкового развития, лежащих в отчетливо выраженном стремлении разных школ и направлений современной лингвистики к единству между собой [3].

Конечно, указанная тенденция к объединению никоим образом не может быть реализована на эклектической основе согласования терминологии и взаимных теоретических уступок. Объединения можно ожидать лишь на качественно новой теоретической основе, которая вобрала бы в себя положительные моменты главных направлений современной лингвистики и была бы в то же время свободна от их недостатков и ограничений.

Такой основой, как кажется, может стать соответствующим образом разработанная лингвистическая теория языкового развития. Это, разумеется, не означает отказа от каких бы то ни было достижений лингвистики, в том числе и структурной. Речь идет о переосмыслении этих достижений в свете идеи развития языка. «Необходим не просто возврат к старому, а постановка проблемы развития языка на основе данных науки нашего времени» [4].

1. Задача разработки лингвистической теории языкового развития

Простой возврат к старому невозможен также по причинам методологического порядка. Дело в том, что, говоря о данных науки нашего времени, следует, помимо

«Процессы формирования лексики русского литературного языка, Наука, М.—Л., 1966; Сб. «Развитие словообразования современного русского языка», М., 1966; Сб. «Развитие синтаксиса современного русского языка», Наука, М., 1966; «Развитие фонетики современного русского языка», М., 1966; Н. Д. Андреев. Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языковедении, Л., 1967; Сб. «Развитие функциональных стилей современного русского языка», М., 1968 и др.

[3] См., например, И. И. Ревзин. Структурная лингвистика и единство языкознания, ВЯ, 1965, № 3; Арн. Чикобава. К вопросу о путях развития современной лингвистики, ВЯ, 1966, № 4; А. В. Гладкий. О формальных методах в лингвистике, ВЯ, 1966, № 3; Ю. С. Степанов. Цели и средства, в сб. «Проблемы современной лингвистики», изд. МГУ, 1968 и др.

[4] Р. А. Будагов. Проблемы развития языка, изд. Наука, М.—Л., 1965, стр. 70.

чисто лингвистических данных, учитывать и значительный прогресс в области методологии науки вообще. В последние годы отчетливо сформировался круг методологических вопросов, который обычно называют логикой научного исследования, или (употребляя другой, имеющий широкое хождение термин) логикой науки [5]. Практически можно даже утверждать, что сформировалась новая методологическая дисциплина, хотя процесс ее становления все еще не закончен.

Так вот, если с точки зрения этой новой дисциплины рассмотреть, скажем, результаты известной языковедческой дискуссии 1950 года, то сравнительно легко можно подметить одно существенное обстоятельство. Оно состоит в том, что проблема языкового развития обсуждалась в то время не с лингвистической, а с философской стороны.

Действительно, в ходе дискуссии и после нее появилось большое количество статей и материалов, посвященных вопросу о внутренних законах развития языка [6]. Но появление этих работ отнюдь не было свидетельством лингвистического интереса к проблеме языкового развития, ибо обсуждению подвергался лишь общий мировоззренческий подход к процессу развития языка, рассматриваемому в качестве объекта лингвистического исследования. Было показано, что лингвистика в этом смысле — самостоятельная научная дисциплина, имеющая свой объект исследования, что этот объект не растворяется в ряду других общественных явлений, а обладает отличной от других общественных явлений спецификой, что, наконец, главной задачей лингвистики в этом отношении является раскрытие законов развития языка, т. е. внут-

---

[5] См., напр., сб. «Логика научного исследования», Наука, М., 1965.

[6] См., напр., В. А. Звегинцев. Общие и внутренние законы развития языка. Ин. яз. в шк., 1951, №№ 5—6; В. В. Виноградов. Понятие внутренних законов развития языка в общей системе марксистского языкознания, ВЯ, 1952, № 2; А. Чикобава. К вопросу о внутренних законах развития языка, «Знамя», 1952, № 5; П. С. Кузнецов, В. А. Серебренников, М. М. Гухман и В. А. Звегинцев. О внутренних законах развития языка, Изв. АН СССР, отд. лит. и яз., т. XI, вып. 5, 1952; В. А. Звегинцев. Развитие и функционирование языка, Ин. яз. в шк., 1952, № 3; А. Г. Спиркин. К вопросу о законах языка, Вопросы философии, 1953, № 5; В. А. Звегинцев. Внутренние законы развития языка, изд. МГУ, 1954.

ренних связей всех языковых явлений между собой. В этом смысле результаты дискуссии до сих пор сохраняют известное значение, поскольку они исходят из правильных в философском отношении положений.

Но можно ли считать, что эти результаты явились плодом лингвистического исследования, продуктом научного познания соответствующего объекта? Нет, нельзя. Мировоззрение ученого играет, конечно, большую роль в процессе научного исследования, но в принципе оно является только одним из ряда моментов, определяющих ход исследования, и не более того. Обсуждение философской стороны того или иного вопроса не может заменить его научного исследования. Это значит, что лингвист, приступая к научному исследованию процесса развития языка, должен ставить перед собой задачу объяснения этого процесса, выявления его законов, т. е. создания соответствующей научной теории. Но он не может ограничиваться только иллюстрацией тех или иных, пусть даже абсолютно правильных, философских положений на известном ему языковом материале. В наше время становится совершенно ясным, что именно последним пытались ограничиться лингвисты, обсуждая проблему языкового развития в ходе дискуссии 1950 года.

С точки зрения современной логики науки следует четко отграничивать вопрос о роли мировоззрения в научном исследовании от проблемы методологии самого научного исследования. Первый составляет только часть (очень важную!) второй. Отсюда следует, что при постановке проблемы развития языка на основе данных науки нашего времени необходимо с самого начала ставить вопрос **о разработке лингвистической теории процесса языкового развития.** Заметим, что в свое время именно так ставил вопрос замечательный советский ученый проф. Е. Д. Поливанов. Свое учение об эволюции языка он называл «методологией конкретных мотивировок языковых изменений» [7]. Иными словами, Е. Д. Поливанов ставил задачу не только описания языковых явлений, но и их объяснения, т. е. как раз создания научной теории языкового развития [8].

---

[7] Е. Поливанов. За марксистское языкознание, «Федерация», М., 1931, стр. 48.

[8] Подобным же образом ставил вопрос проф. Т. П. Ломтев в докладе на симпозиуме по вопросам глоттохронологии и типологии,

Если признать такую постановку проблемы развития языка правильной, то возникает необходимость рассмотреть чисто лингвистические предпосылки разработки теории языкового развития, которые сложились в современном языкознании. К числу этих предпосылок можно отнести, во-первых, разультаты исследований в области диахронической фонологии, затем исследования, касающиеся описания механизма языкового изменения, в-третьих, некоторые итоги исследований процессов семантического развития языка и, наконец, ряд вопросов, поставленных историческими исследованиями русского языка.

В дальнейшем изложении мы поочередно рассмотрим каждую из этих предпосылок и в заключение попытаемся представить (разумеется, в самом общем и предварительном виде) возможные контуры общего представления о процессе языкового развития.

2. Понятие «системы» в диахронической фонологии

Термин «диахроническая фонология» в настоящее время общеизвестен. У истоков этого сравнительно молодого направления лингвистических исследований стоят лингвисты Пражской школы Н. С. Трубецкой и Р. О. Якобсон. Для характеристики основных итогов, полученных в исследовании проблем, поставленных диахронической фонологией, удобно остановиться на работе А. Мартине «Принципы экономии в фонетических изменениях», которая получила широкий отклик среди языковедов. Представляется, что результаты, полученные А. Мартине, как нельзя лучше характеризуют современное состояние этой лингвистической дисциплины [9].

проходившем в январе 1963 года, где он предложил строго отграничивать теорию развития языка от теории изменения языка. При этом Т. П. Ломтев исходит из специфичности философской категории развития по сравнению с понятием эволюции. Неизбежность, совершенствование системы и противоречие как движущий источник отличают, как считает Т. П. Ломтев, развитие от эволюции. (См. ВЯ, 1963, № 3, стр. 142).

[9] Недавно вышло в свет исследование В. В. Иванова по диахронической фонологии русского языка, в котором имеется библиография литературы (к сожалению, неполная: не учтены, например, чрезвычайно интересные работы проф. В. М. Маркова). См. В. В. Иванов. Историческая фонология русского языка, Просвещение, М., 1968, прим. к стр. 10—11 и стр. 354—355.

Часто смысл этой работы усматривают только в том, что А. Мартине для объяснения фонетических изменений пользуется принципом экономии. На этом, например, основывает свое отрицательное отношение к работе А. Мартине проф. Р. А. Будагов [10]. Думается однако, что такой вывод несколько односторонен, поскольку учитывает только философский аспект взглядов А. Мартине на процесс фонетических изменений. Спору нет, если рассматривать работу А. Мартине только с философской точки зрения, то остается полностью присоединиться к мнению проф. Р. А. Будагова. Принцип экономии А. Мартине, действительно, не заключает в себе такого внутреннего противоречия, которое могло бы служить движущей силой процесса развития языка. Более того, если бы дело было только в принципе экономии, то вряд ли вообще стоило признавать за работой А. Мартине какую-либо ценность и оригинальность.

Сам А. Мартине приводит имена трех лингвистов — Г. Суита, О. Есперсена и П. Пасси, еще в восьмидесятых годах прошлого века высказывавших взгляды, из которых с очевидностью вытекал принцип экономии. Джордж К. Ципф в работах 1929 и 1935 гг. на основе этого принципа формулирует закон обратного соотношения между сложностью фонем и частотностью их употребления. В 1949 году он же в работе «Человеческое поведение и принцип наименьшего усилия» делает попытку распространить принцип экономии на более широкий круг явлений языковой действительности. В Советском Союзе оригинальную трактовку принципа экономии выдвинул еще в тридцатых годах Е. Д. Поливанов (см. об этом далее). Словом, никаких особых заслуг в этом отношении у А. Мартине нет.

Но работа А. Мартине вовсе не исчерпывается выраженной в ней философской позицией автора. В ней делается попытка дать **лингвистическое объяснение** фонетических изменений, зафиксированных в истории французского и других языков. Вот с этой точки зрения работа А. Мартине является большим шагом вперед. Ее значение для постановки проблемы развития языка видится в том, что А. Мартине эксплицитно вводит в теорию эво-

---

[10] Р. А. Будагов. Проблемы развития языка, изд. «Наука», М.—Л., 1965, стр. 3, 26—28, 32.

люции фактор системы. Не подлежит сомнению, что ему удалось показать, что без учета этого фактора полное понимание звукового изменения невозможно [11]. В связи с этим самого пристального внимания заслуживает целый ряд понятий [12], введенных А. Мартине в практику лингвистического исследования звуковых изменений языка. Кроме того, с лингвистической точки зрения нельзя отказать в обоснованности и выдвигаемому А. Мартине противоречию между потребностью общения и естественной инерцией и ассиметричностью органов речи [13]. Такое противоречие, по-видимому, существует, и его можно рассматривать в качестве движущей силы развития языка **на уровне фонологии.** С другой стороны, когда А. Мартине отходит от фактического материала и пытается представить это вполне лингвистически обоснованное положение как проявление общего принципа экономии [14], то здесь его концепция достаточно непоследовательна: то он призывает «отвыкнуть от заявлений в стиле прорицания» [15], то сам пытается говорить о языковой эволюции вообще, исходя из абстрактного принципа экономии [16].

Таким образом, можно сделать первый вывод. Исследования в области диахронической фонологии показывают, что фактор системы играет большую роль в процессе языкового развития. Отсюда ясно, что достижения структурной лингвистики в области практического выявления языковой структуры в принципе не могут препятствовать постановке проблемы развития языка. Наоборот, они вынуждают ставить эту проблему глубже, с учетом той роли, которую играет в процессе языкового развития фактор системности языка. При этом, разумеется, необхо-

---

[11] Первостепенное значение системы в звуковой эволюции языка подчеркивается В. В. Ивановым. См. В. В. Иванов. Историческая фонология русского языка, Просвещение, М., 1968, стр. 5—8.

[12] Имеются в виду такие понятия, как понятие различительного признака как единицы изменения, понятие притяжения системы, различной степени включения в систему, заполнения пустой клетки системы, катализа, т. е. те, без которых вряд ли можно обойтись в наше время при описании процесса фонетических изменений.

[13] Ср. Р. А. Будагов. Проблемы развития языка, изд. «Наука», М.—Л., 1965, стр. 27.

[14] См. А. Мартине. Принцип экономии в фонетических изменениях, ИИЛ, М., 1960, стр. 130.

[15] См. там же, стр. 198.

[16] См. там же, стр. 126; его же «Основы общей лингвистики», в сб. «Новое в лингвистике», ИИЛ, М., 1963, стр. 532—533.

димо отбросить ряд структуралистских догм, имеющих, впрочем, не лингвистический, а философский характер. В первую очередь это относится к догме об имманентности языковой структуры, которая получила особо яркое выражение в глоссематике Л. Ельмслева.

3. Социальный механизм языковой эволюции

Перейдем к рассмотрению второй группы исследований, имеющих существенное значение для постановки проблемы языкового развития. Речь пойдет об исследованиях, намечающих социальный механизм языковой эволюции. В общих чертах этот механизм хорошо описан в одной из работ А. А. Леонтьева [17]. Языковое изменение проходит три этапа. На первом оно представляет собой индивидуальное новообразование (инновацию), на втором входит в социальную или стилистическую норму и, наконец, на третьем становится частью общей нормы или, если оно приобретает признак общеобязательности, то и частью системы языка [18].

Как видно, данное представление о ходе языкового изменения основано на разграничении понятий нормы и системы [19] и в целом исходит из понимания языка как момента речевой деятельности. Для удобства дальнейшего обсуждения представим путь языкового изменения в виде следующей цепочки:

инновация	—	социальная и стилистическая норма	—	общая норма	—	система

Схема дает ясную картину круга вопросов, входящих в большую и еще далекую от своего разрешения проблему «язык и общество». Цепочка показывает только динамический срез [20] этой проблемы. В плане статики ей соответствуют следующие вопросы: вопрос о языковом контакте говорящих; вопрос о диалектах (социальных

[17] А. А. Леонтьев. Возникновение и первоначальное развитие языка, АН СССР, М., 1963.

[18] См. там же, стр. 125—126.

[19] См. об этом Э. Косериу. Синхрония, диахрония и история, стр. 173 и след.

[20] Слову «динамический» в выражении «динамический срез» придается значение термина «динамика языка» по С. К. Шаумяну. См. С. К. Шаумян. Структурная лингвистика, Наука, М., 1965, стр. 15—16.

и территориальных) и функциональных стилях речи; вопрос о национальном языке (узусе) и вопрос о внутренней структуре языка в ее отношении к норме языка. Многое здесь продолжает оставаться неясным, но утраченный было в советском языкознании интерес к этим сложным вопросам вновь возрождается и, надо думать, будет еще более крепнуть [21].

Нас однако интересует только динамический план этой проблемы, то, что показано на схеме. Если попытаться проанализировать состояние разработки проблемы языка и общества в этом плане, то сравнительно легко можно убедиться, что усилия языковедов сконцентрированы пока на описании и систематической классификации языковых изменений, т. е. на обследовании исторического материала разных языков. Показателен в этом отношении тот факт, что, как правило, обсуждение проблемы языкового развития ведется по линии анализа и описания фонетических, грамматических и лексических изменений [22]. Вопросы же взаимодействия социальной и стилистической нормы с нормой общенационального языка и последней с системой языка только начинают разрабатываться, хотя в истории советского языкознания был период, когда эти вопросы уже стояли и получали интересное освещение [23].

Так, например, почти за полвека до того как механизм инновации в его связи с диалогической речью был описан Э. Косериу [24], Л. В. Щерба писал: «В диалоге куются новые слова, формы и обороты. К диалогу преж-

---

[21] См. Ф. П. Филин. К проблеме социальной обусловленности языка, ВЯ 1966, № 4; сб. «Язык и общество», Саратов, 1964; сб. «Язык и общество», Саратов, 1967; сб. «Язык и общество», Наука, М., 1968 и др.

[22] См., напр., А. А. Реформатский. Введение в языковедение, Просвещение, М., 1967, заголовки §§ 84, 85, 86; по этой же схеме фонетических, грамматических и лексических изменений рассматривает проблему развития Р. А. Будагов. См. Р. А. Будагов. Проблемы развития языка, заголовки разделов IV—V; см. также названия ряда сборников в сноске 2, стр. 1—2.

[23] Имеются в виду работы Л. П. Якубинского, Е. Д. Поливанова, Р. О. Шор, Б. А. Ларина, Г. О. Винокура, Н. И. Конрада, В. В. Виноградова, В. М. Жирмунского и др.

[24] «Языковое изменение происходит в диалоге». Э. Косериу. Синхрония, диахрония и история, стр. 191. Для описания механизма инновации Э. Косериу вводит понятие принятия. См. там же, стр. 192—194.

де всего приложимо все то, что говорится о действии разных психологических и физиологических факторов, изменяющих язык, и человек, желающий изучать эти факторы, и должен обращаться к этой форме проявления языка»[25]. В дальнейшем к этому положению Л. В Щербы обратился Л. П. Якубинский, который сумел развить его дальше[26]. Ценные высказывания по этому вопросу имеются у Е. Д. Поливанова[27]. Таким образом, при разработке всего круга вопросов, входящих в проблему взаимоотношения языка и общества, нельзя не учитывать прошлого опыта, накопленного в отечественном языкознании, но при этом нужно иметь в виду, что в прошлом допускались и ошибки, заключавшиеся в преувеличении роли социальных факторов в развитии языка, в вульгарно-социологическом толковании языковых явлений[28].

Какое же значение имеет исследование социального аспекта языковых изменений для постановки проблемы языкового развития на новой основе?

Трудности ответа на этот вопрос очевидны. Они заключаются в том, что хотя на первый взгляд приведенная выше схема имеет непосредственное отношение к проблеме развития, сейчас еще неясно, каково языковое содержание таких категорий как инновация, социальная и стилистическая норма, общая норма, нет, наконец, полной ясности и в вопросе о системе языка.

Иными словами, в рамках проблемы соотношения языка и общества еще только предстоит раскрыть связь языкового и социального путем выявления языковой специфики таких категорий, как социальный диалект, функциональный стиль, разговорный язык, система языка[29].

---

[25] Л. В. Щерба. Восточнолужицкое наречие, том I, Пг., 1915, Приложение, стр. 4.

[26] См. Л. П. Якубинский. О диалогической речи, сб. «Русская речь», 1, Пг., 1923, стр. 184 и след.

[27] Одно из таких высказываний из статьи Е. Д. Поливанова «По поводу звуковых жестов японского языка» приводит Л. П. Якубинский. См. Л. П. Якубинский, О диалогической речи, стр. 160.

[28] См. Ф. П. Филин, К проблеме социальной обусловленности языка, стр. 31—32.

[29] Приходится констатировать отсутствие единого подхода к лингвистическому определению трех первых понятий. Что же касается понятия системы языка, то предстоит выяснить, имеет ли различие между системой и структурой терминологический характер, т. е. должны ли мы наряду с системой языка говорить и о языковой структуре, и наоборот.

что, по-видимому, и составляет истинный смысл всей проблемы. По отношению к вопросу о языковых изменениях это означает, что необходимо вплотную заняться выяснением социального содержания лексических, грамматических и фонетических изменений, т. е. попытаться сопоставить ряд понятий, имеющих, по преимуществу, социальное содержание (инновация, принятие инновации в качестве социальной либо стилистической нормы, принятие элементов последней в качестве общей нормы языка и, наконец, взаимовлияние нормы и системы языка), с рядом понятий, имеющих, по преимуществу, лингвистическое содержание (лексические, морфологические, синтаксические и фонетические изменения). Если окажется, что эти ряды понятий соответствуют друг другу, связаны и взаимно дополняют друг друга, то можно будет говорить и о значении разработки проблемы «язык и общество» для постановки вопроса о создании лингвистической теории языкового развития. Однако нынешнее состояние разработки этой проблемы таково, что результатов исследований, ведущихся в этом направлении, явно недостаточно даже для того, чтобы выдвинуть предварительную гипотезу о наличии такой связи.

Естественно поэтому в поисках соответствующих фактических данных обратиться к следующей группе исследований, касающихся вопросов семантического и грамматического развития языка.

4. К вопросу о количественных изменениях языка

В свое время Е. Д. Поливанов, говоря об изменениях в лексике языка, указывал: «изменения словарного характера мы должны рассматривать как стоящие (во всем, что касается вопросов языковой эволюции) на особом положении: говоря о них, никогда не следует забывать, что громадная часть словарных новшеств (т. е., таких явлений, как смерть, т. е. исчезновение из обихода одних слов и появление других, частичные или полные видоизменения значений слов) прямо и непосредственно отражает изменения социальных и культурно-бытовых условий данного коллектива (а следовательно, и изменения того круга понятий, с которыми оперирует данное коллективное мышление). Эта прямая и специфическая зависимость от социальной и культурно-историче-

ской эволюции дает право, следовательно, выделять их из прочих явлений языковой эволюции»[30].

Все, о чем говорится в этой цитате, стало сейчас общим местом, своего рода аксиомой, известной каждому студенту-филологу. Но хотелось бы обратить внимание на то, что Е. Д. Поливанов говорит не просто о том, что словарные изменения отличаются от других языковых изменений, но и о социальных основаниях выделения этих изменений в особую группу. А это как раз то, о чем мы как о догадке говорили в предыдущем разделе, — идея соответствия, связи социального и языкового в динамике инновации. Еще более знаменателен тот факт, что словарные изменения с методологической точки зрения рассматривались Е. Д. Поливановым как количественные изменения[31]. Пользуясь марксистской диалектикой, нетрудно сделать лингвистические выводы из данной методологической трактовки словарных изменений как количественных изменений. Если словарные изменения суть количественные изменения, то тогда в действие вступает закон перехода количественных изменений в качественные, который по отношению к процессу развития языка преломляется как закон перехода лексических изменений в грамматические и фонетические изменения. Иначе говоря, если принять методологическую трактовку Е. Д. Поливановым лексических изменений, то автоматически подтверждается мысль, высказанная в предыдущем разделе о соответствии, связи двух рядов понятий социального и языкового порядка. Но чтобы принять эту методологическую трактовку Е. Д. Поливанова, нужно еще доказать, что с лингвистической точки зрения для этого есть достаточные основания.

5. Понятие системы речи Н. Д. Андреева

Думается, что первое основание такого рода дает работа Н. Д. Андреева «Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языковедении». Как известно, эта работа стоит на особом месте в ряду исследова-

---

30 Е. Поливанов. За марксистское языкознание, стр. 38.

31 Е. Поливанов. За марксистское языкознание, стр. 38 и след.

ний, применяющих к изучению языка математические методы. С математической точки зрения это выражается в том, что вместо математического аппарата теории множеств, Н. Д. Андреев пользуется аппаратом теории вероятностей. Однако с лингвистической точки зрения суть дела состоит вовсе не в различии применяемых математических аппаратов. Н. Д. Андреев предложил совершенно новое понятие системы речи, противопоставленное по ряду математических признаков понятию системы языка [32], и хотя языковедческое истолкование этого понятия до сих пор остается мало удовлетворительным [33], думается, что оно имеет большое значение для лингвистической теории [34].

Что касается рассматриваемого вопроса о языковых изменениях, Н. Д. Андреев убедительно показал, что этот процесс затрагивает прежде всего систему речи и только потом переходит в систему языка. При этом «не всякое изменение первой системы меняет вторую, но любое изменение во второй должно сперва реализоваться как сдвиг в первой. Только то явление, чьи численные параметры в с и с т е м е р е ч и превосходят соответствующую пороговую величину, имеет шансы утвердиться как элемент языка» [35].

Таким образом, с новой неожиданной стороны подтверждается выдвинутый Е. Д. Поливановым основной методологический тезис о переходе в процессе развития

---

[32] «Система речи есть совокупность независимых синтагматических вероятностей языковых элементов и набор их коррелятивных функций при различных условиях». Н. Д. А н д р е е в. Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языковедении», стр. 22. Соответствующие разъяснения см. там же; стр. 17 и 20—22.

[33] Попытку ввести понятие системы речи в круг основных понятий лингвистической теории (см. Н. Д. А н д р е е в и Л. Р. З и н д е р, О понятиях речевого акта, речи, речевой вероятности и языка, ВЯ, 1963, № 3) нельзя признать удачной, так как содержание понятия речевой вероятности получает в этой попытке преимущественно математическое, а не лингвистическое толкование.

[34] В первую очередь потому, что создает объективное основание для языковедческого определения содержания понятий социального и территориального диалектов, стиля и общенационального языка. См. Н. Д. А н д р е е в. Статистико-комбинаторные методы..., стр. 125—128.

[35] Н. Д. А н д р е е в. Статистико-комбинаторные методы..., стр. 25.

языка количественных изменений в качественные. Особенно важным представляется в связи с этим то, что языковеды получают в свое распоряжение надежный метод фиксации количественных изменений в сфере языка. Это разработанный Н. Д. Андреевым статистико-комбинаторный метод. В то же время надлежит подчеркнуть, что статистико-комбинаторный метод Н. Д. Андреева, как и любой другой математический метод обследования языкового материала, представляет собой лишь способ фиксации, способ выявления экстенсиональной стороны лингвистических понятий [36]. Чтобы выявить их интенсиональную сторону, т. е. собственно лингвистическое содержание, необходима еще языковедческая интерпретация. Математическое обследование языкового материала не исключает, а наоборот предполагает языковедческую интерпретацию результатов обследования, получаемых с помощью математических методов; так что применение статистико-комбинаторных методов означает не конец, а самое начало языковедческого исследования той или иной проблемы. Именно так обстоит дело с проблемой исторических изменений языка в процессе его развития. То обстоятельство, что Н. Д. Андреев уделяет большое внимание этой проблеме в своей работе, ничуть не значит, что тем самым дается ее лингвистическое решение. Работа Н. Д. Андреева только ставит перед языковедами задачу лингвистического объяснения количественных изменений в сфере языка и дает одновременно математический метод выявления этих изменений. Иначе говоря, результаты, полученные Н. Д. Андреевым, являются не более, как существенной предпосылкой для разработки лингвистической теории языкового развития, предпосылкой, стоящей в одном ряду с исследованиями проблемы, ведущимися в рамках вопроса о взаимоотношениях языка и общества. Значение этой предпосылки видится в том, что она подтверждает правильность диалектического подхода к процессу развития языка, указывая на обширный класс количественных изменений в сфере языка и на возможность их перехода в качественные изменения.

---

[36] «Экстенсионал» и «интенсионал» — термины Р. Карнапа, обозначающие соответственно объем и содержание понятия.

6. К вопросу о языковой природе количественных изменений в языке

Рассмотрим теперь, как в свете современного состояния разработки вопроса о семантическом развитии языка можно расценить трактовку Е. Д. Поливановым лексических изменений в качестве количественных изменений языка.

Вообще в лингвистической литературе можно найти немало указаний на особый характер изменений в области лексики языка по сравнению с грамматическими и фонетическими изменениями. Более того, давно уже известна [37] «идея опосредствованной обусловленности внутрисистемных изменений от внешних факторов через развитие общественных функций языков» [38].

Тем не менее можно утверждать, что вопрос о возможности перехода лексических (семантических) изменений в грамматические и фонетические до сих пор не ставился. Дело, как кажется, упирается в то, что не решен вопрос о том, что считать единицей семантического изменения. Ясно одно, что если за такую единицу принимать слово, лексему, то вся теория лексических изменений сводится к описанию процессов отмирания архаических и появления новых лексем. Но дело в том, что сами эти процессы нуждаются в лингвистическом объяснении. Здесь нельзя ограничиваться лишь констатацией связи лексических изменений с социальными изменениями [39]. В связи с этим в последние годы отчетливо прослеживается стремление ставить вопрос о лексических изменениях языка глубже, перенося центр тяжести проблемы из сферы лексики в сферу семантики [40] и говоря о процессе семантического

---

[37] См. Л. Б. Никольский. Языковая политика как форма сознательного воздействия общества на языковое развитие, сб. «Язык и общество», Наука, М., 1968, стр. 112, прим. 6; В. А. Звегинцев. Очерки по общему языкознанию, изд. МГУ, 1962, стр. 260 и сл.; А. Мартине. Основы общего языкознания..., стр. 529—531.

[38] Л. Б. Никольский. Языковая политика..., стр. 112.

[39] Кстати говоря, даже такая констатация наталкивается на существенные трудности. См. об этом В. Д. Шмелев. Очерки по семасиологии русского языка, Просвещение, М., 1964, стр. 49.

[40] Напр., Т. А. Дегтярева обращает внимание на необходимость учета соотношения многозначности и синонимии в плане развития. См. Т. А. Дегтярева. Формы проявления семасиологических законов, сб. «Законы семантического развития в языке», изд. ВПШ и

изменения значения слов [41] в данном синхроническом состоянии языка [42].

Если в этом плане попытаться реализовать идею Е. Д. Поливанова, то прежде всего необходимо существенно уточнить ее формулировку. Речь должна идти не о лексических, а о семантических изменениях и не в плане диахронии, а в плане динамики данного синхронического среза языка. За единицу же понимаемого таким образом семантического изменения следует принять факт отдельного словоупотребления, а не слово (лексему).

Такая точка зрения полностью подтверждается исследованием обширного массива конкретного языкового материала русского языка XVIII в. [43], проведенного одним из авторов настоящей работы. Рассмотрим, например, значение, которым в 18 веке обладал глагол «состоять». Это значение можно охарактеризовать с помощью следующего ряда (1—5) словоупотреблений этого глагола:

1) «Развалины славных чертогов Персеполиса **состоят на пригорке»** (СП1, 112) [44].

2) «Здесь дела **состоят** в частых **переменах»** (АК, 369). «Третье мое упражнение **состояло в писании»** (АБI, 234). «любимое занятие его **состояло в экзерции»** (Пр, 18). «да в чем же и мужество наше **состоит**, ежели не в **вели-**

АОН, М., 1961. Р. А. Будагов предлагает учитывать фактор системных взаимозависимостей лексики при рассмотрении проблемы развития языка. См. Р. А. Будагов. Проблемы развития языка, стр. 42 и след. Ряд исследователей ставит вопрос о внутренних процессах, которыми «определяется исчезновение некоторых отдельных слов (или их значений) и замена их другими обозначениями, а также приобретение словами новых значений». Д. Н. Шмелев. О семантических изменениях в современном русском языке, сб. «Развитие грамматики и лексики»... стр. 4.

[41] Характерно, что Е. Д. Поливанов ставит рядом как лексические, так и семантические процессы изменения. См. цитату на стр. 13.

[42] Следует оговориться, что речь в данном случае идет не о традиционной проблеме семантического изменения, которая по своему существу есть проблема диахронии, а именно о процессе семантического изменения в синхронии языка, т. е. о динамическом по своему существу процессе. См. ссылку на стр. 9.

[43] См. Л. А. Андреева. Структурно-функциональные особенности предложного падежа в русском литературном языке 18 века, канд. дисс., Казань, 1966.

[44] Во всех примерах (за некоторыми исключениями, вызванными чисто техническими причинами) сохраняется орфография источника. В скобках указано сокращенное обозначение и страница источника (список сокращений см. в конце работы).

кодушии» (СМЖ, 73). «Торговля **состоит в мене** товаров» (ЗС, 152). Образование **состоит в отменах** голоса» (ЛРГ, 13).

3) «Обыкновенныя постановленная цена с каждого Европейца ... **состоит** только **в** одном **пиастре»** (СП1, 25). «Силы обоих спорющихся суть почти равныя, и **состоят в двадцати тысячах,** большею частию конных воинов» (СП1, 190).

4) «Вся моя иностранная библиотека **состояла** только **в нескольких учебных книгах»** (АБ1, 258). «ужин наш был гораздо тощ и **состоял в хлебе** с маслом и **старом мясе,** ломтями резанном» (РЖУ, 37). «Оне **состоят** обыкновенно **в** двух больших **комнатах»** (СП1, 40). **«Состояли** они **в** нескольких **картинах,** изображающих святых» (АБ1, 231). «Пруссия. Она **состоит в** трех больших **округах»** (ВГ, 219). «Обед их... **состоит в сыре, молоке, хлебе и плодах** разного рода» (СП1, 105). «богатство земли **состоит в** драгоценных **камнях** и **перце»** (ВГ, 273).

5) Наряду с этим было представлено и современное словоупотребление глагола «состоять», например: «Караван наш **состоял из** тридцати **лошаков** и около двадцати, или тридцати лошадей» (СП1).

Как видно, картина словоупотребения глагола «состоять» в 18 веке сильно отличается от современного словоупотребления этого глагола. Можно, конечно, утверждать, что в 18 веке глагол «состоять» был многозначным и, вместо списка словоупотреблений, привести несколько значений глагола, соответствующих группам словоупотреблений (1—5). Но что это даст? С точки зрения вопроса о природе семантических изменений такой подход лишь скроет самое существо проблемы, ибо тогда можно будет сделать только вывод о том, что по сравнению с 18 веком глагол «состоять» утратил четыре из пяти значений (1—4); пятая группа словоупотреблений дает значение, ничем не отличающееся от современного. В тени остается тот очевидный факт, что глагол «состоять» в современном языке не только утратил три значения, но и значительно сузил сферу своего употребления в одной из синтаксических конструкций (глагол+предлог «в»+существительное в предложном падеже), которая была ему свойственна в языке 18 века. Таким образом, становится совершенно ясным, что обсуждение вопроса о семантических изменениях необходимо вести, основы-

ваясь на тщательном анализе отдельных словоупотреблений, рассматривая при этом не только семантический, но и грамматический аспект данного словоупотребления. В противном случае картина семантических изменений языка будет неполной, она не будет учитывать того, что всякое изменение в словоупотреблении является одновременно и изменением другого рода — изменением в сфере синтаксиса. В разобранном примере последнее выражается в количественном уменьшении числа случаев глагольного управления предложным падежом имени существительного. Это вплотную подводит нас еще к одному выводу в отношении постановки проблемы языкового развития на основе данных науки нашего времени. На первых порах этот вывод можно сформулировать в виде требования о необходимости начинать обследование вопросов изменения в сфере языка с всестороннего анализа единичных словоупотреблений.

7. Понятие словоупотребления как единицы количественных изменений

Это требование однако нуждается еще в серьезном теоретическом углублении и фактическом уточнении.

Дело в том, что рассмотренный пример характеризует только часть проблематики семантических изменений языка, а именно ту, которая касается исчезновения из речи говорящих на современном русском языке ряда некогда типичных словоупотреблений. Между тем параллельно этому процессу отмирания отдельных словоупотреблений течет другой не менее значительный процесс становления новых словоупотреблений, в том числе и появление новых слов. С точки зрения этого второго процесса тот же самый пример с глаголом «состоять» приходится рассматривать уже не как иллюстрацию процесса отмирания трех значений этого глагола, а как иллюстрацию становления современного основного значения глагола «состоять». Этот процесс протекает в порядке постепенного уменьшения числа словоупотреблений глагола «состоять» в синтаксических конструкциях с предложным падежом (1—4) и увеличения числа словоупотреблений глагола «состоять» в конструкции «глагол+предлог «из»+существительное в родительном падеже». Результатом процесса является постепенное

сужение и терминологическое уточнение основного (главного) значения глагола «состоять». Если когда-то он означал пространственную близость предметов (развалины состоят на пригорке), внутреннее содержание объекта (упражнение состояло в писании), отношение количественного измерения (цена состоит в одном пиастре), то в нынешнем словоупотреблении глагол «состоять» имеет главным образом значение включения части в целое.

Если это так, то встает вопрос, можно ли говорить о словоупотреблении как единице семантического изменения. Ведь факт изменения значения глагола «состоять» выводится, исходя из контекста синтаксической конструкции. Суть дела не в самом глаголе, а в его лексическом окружении. Не будь лексического окружения, о значении глагола «состоять» в 18 веке нельзя было бы ничего сказать. Таким образом, если мы хотим придерживаться первоначального тезиса о словоупотреблении как единице семантического изменения, необходимо его теоретическое углубление, уточнение того, что понимается под словоупотреблением.

С этой целью введем два хорошо известных в лингвистике разграничения. Будем говорить **о денотативном значении** слова, которым оно обладает в речи, указывая на определенный объект действительности, и о **сигнификативном значении** слова (смысле), которым оно обладает вне речевого контекста, т. е. как единица словаря. С другой стороны, будем считать, что синтаксические конструкции (словосочетания) связаны в единое целое **синтаксическими связями** (предикативная связь, согласование, управление, примыкание), а элементы этих конструкций обладают особого рода **функциональным значением,** которое в традиционном учении о членах предложения называют значением члена предложения (напр., обстоятельство времени).

Пользуясь этой терминологией, можно дать следующее определение словоупотребления. Словоупотребление — это происходящее в процессе речи придание слову как единице словаря определенного денотативного и функционального значений, посредством включения данного слова в состав той или иной синтаксической конструкции. В результате оказывается, что понятие словоупотребления связывает воедино семантический и син-

таксический аспекты слова, входящего в состав предложения. Одновременно оно подразумевает возможность количественного увеличения числа денотативных и функциональных значений, передаваемых лексикой данного языка, а это, в свою очередь, обусловливает качественные сдвиги как в лексике, так и в грамматике данного языка.

В свете определяемого таким образом понятия словоупотребления получают свою естественную интерпретацию оба процесса, о которых говорилось в связи со значением глагола «состоять» в русском языке 18 века: процесс отмирания ряда значений глагола «состоять», являющийся одновременно и процессом сужения сферы функционального употребления предложного падежа имени существительного, и процесс становления главного сигнификативного значения глагола «состоять», являющийся одновременно и процессом расширения сферы функционального употребления родительного падежа имени существительного.

Суть этих процессов заключается в количественном перераспределении типичных словоупотреблений, свойственных глаголу «состоять» в 18 веке. Только благодаря этому перераспределению можно говорить о семантическом изменении в значении глагола «состоять» в современном языке по сравнению с языком 18 века.

Но это означает, что первоначальному требованию о необходимости начинать обследование вопросов семантического изменения языка с анализа единичных словоупотреблений можно придать силу общего вывода о том, что словоупотребление есть единица количественого изменения языка. В самом деле, если в основе процессов изменения сигнификативных значений слов лежит количественное перераспределение типичных словоупотреблений лексики языка, которое ведет и к количественным сдвигам в сфере грамматики, то вывод о словоупотреблении как единице количественного изменения языка представляется совершенно закономерным. В этом смысле, как кажется, следует понимать и трактовку Е. Д. Поливановым лексических изменений в качестве количественных изменений языка, если, разумеется, подойти к ней с позиций современного состояния разработки соответствующих вопросов, т. е. если четко разграничить два уровня исследования лексических изменений — семан-

тический и лексический. Лексические изменения, т. е. отмирание архаических и появление новых слов в языке, представляют собой лишь внешнее выражение глубинных процессов семантического развития языка, приводящего к семантическим изменениям сигнификативных значений лексики языка.

8. К вопросу о переходе семантических изменений в грамматические

Теперь, чтобы закончить обсуждение вопроса о лингвистических предпосылках разработки теории языкового развития, сложившихся в современной лингвистике, остается установить на историческом материале возможность перехода семантических изменений в качественные изменения грамматического характера. Для этого вновь обратимся к результатам исторического исследования категории предложного падежа в русском языке, точнее, к истории одного из функциональных значений предложного падежа — значения места совершения действия.

Как известно, значение места совершения действия, или локальное значение, является самым древним из всех ситуативных значений предложного падежа. Еще беспредложный локатив в древнерусском языке употреблялся исключительно в этом функциональном значении. Самой характерной особенностью беспредложного локатива в древнерусском языке было то, что в этом падеже мог употребляться весьма ограниченный круг существительных, главным образом имена собственные, обозначавшие названия географических пунктов [45]. Думается, что только универсализация беспредложного локатива, превращение его в категорию, охватывающую все большее и большее количество существительных, было решающим обстоятельством для его превращения в категорию предложного падежа. Действительно, предлоги (в, на, о, при, по) лишь дифференцируют единое локальнов значение, но не передают его сами. Не может передавать локального значения и глагол, управляющий предложным падежом. Будет ли вся синтаксическая кон-

---

[45] См. Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русского языка, изд. МГУ, 1956, стр. 236.

струкция имени существительного в предложном падеже иметь локальное значение, зависит исключительно от сигнификативного значения существительного, стоящего в предложном падеже. Можно утверждать, что если существительное обозначает объект, характеризующийся пространственными измерениями (объемный, плоскостной, точечный), то и вся синтаксическая конструкция предложного падежа будет иметь локальное значение (напр., в доме, на доме), причем предлог сохраняет свое лексическое значение. Совсем иная картина наблюдается в том случае, когда окончание предложного падежа принимает существительное, обозначающее абстрактный объект (напр., работа). О конструкциях предложного падежа этого существительного с теми же предлогами (в работе, на работе́) уже нельзя сказать, что они имеют локальное значение в том же смысле, что и для первого случая. Причем, предлоги в них утрачивают свое первичное лексическое значение. Таким образом, если говорить о причине развития современной системы функциональных значений предложного падежа [46] из локального значения, то эту причину следует усматривать в увеличении числа абстрактных денотативных значений, передаваемых всей категорией имени существительного в процессе ее использования в речи говорящих, т. е. процессе словоупотребления.

Но формированием системы функциональных значений категории предложного падежа дело не ограничивается. Увеличение количества абстрактных денотативных значений, передаваемых категорией имени существительного, ведет и к процессам другого рода.

Часть новых функциональных значений предложного падежа оказывается синонимичной функциональным значениям других падежей системы склонения. То же самое происходит, когда другие падежи системы склонения вырабатывают функциональные значения, оказывающиеся синонимичными функциональным значениям

---

[46] Современная система функциональных значений категории предложного падежа характеризуется преимущественно комплексом ситуативных значений, под которыми понимаются значения места, времени, обстановки, состояния и условий, в которых совершается действие, обозначаемое глаголом, управляющим конструкцией предложного падежа. Подробнее об этом см. Л. А. Андреева. Структурно-функциональные особенности предложного падежа в русском литературном языке 18 века, канд. дисс, гл. III.

предложного падежа. Синонимия функциональных значений различных падежей ведет к их борьбе в рамках системы склонения [47].

Например, в истории русского языка синонимичными по локальному значению конструкции предложного падежа с предлогом «о» оказались локальные значения других падежей: родительного падежа с предлогами «возле», «около» и творительного с предлогом «рядом с». Результатом семантического взаимодействия трех этих конструкций явилось постепенное отмирание употребления конструкции предложного падежа с предлогом «о» в локальном значении, так что в русском языке XVII—XVIII веков она уже почти не встречается [48]. Как видно, борьба падежей ведет в конечном счете к становлению современной системы речи в сфере имени существительного. Частотность употребления падежей системы склонения имени существительного в русском языке, скажем, 18 века сильно отличается от соответствующих показателей в современном языке [49].

Процессы, подобные борьбе падежей в рамках всей системы склонения, происходят и внутри отдельных падежных категорий. Они приводят к изменениям системы склонения на морфофонематическом уровне. Примером такого рода изменений может служить судьба флексии -ех (-ѣх) в предложном падеже множественного числа. В истории русского языка она оказалась полностью синонимичной флексии -ах (-ях) и в конце концов была полностью вытеснена последней. Таким образом, если в русском языке XV—XVI веков нельзя было однозначно предсказать, какое окончание примет существительное в предложном падеже множественного числа (-ах

---

[47] В. А. Никонов. Борьба падежей. В международном журнале славянской лингвистики и поэтики, т. IV, 1961.

[48] Напр., несколько случаев употребления предложного падежа с предлогом «о» в локальном значении в «Архиве князя Куракина»: «И шеленги имеют апарте **о всей империи»** (232), «жентиломы встречают ...**о средних лестницах»** (183), **«о среди каморы»** (226), **«о среди той скалы»** (219). См. также у Майкова: **«О стеночке** лепясь, приходит в шайку пьяных».

[49] См. В. А. Никонов. Борьба падежей, стр. 26. См. таблицы частотности употребления предложного падежа с различными предлогами в 18 веке и совр. языке в канд. дисс. Л. А. Андреевой. «Структурно-функциональные особенности предложного падежа в русском литературном языке 18 века», Казань, 1966, стр. 288—289.

или -ех), то уже к середине XVIII века можно было сделать однозначное предсказание такого рода. В этой своей части система склонения имени существительного приняла свой современный морфофонематический облик.

Но все это означает, что процесс количественного роста денотативных значений постепенно сказывается не только на лексике, но и в системе функциональных синтаксических значений, в имеющей статистический характер речевой системе склонения имени существительного и, наконец, на морфофонематическом уровне рассмотрения системы склонения, т. е. вообще на явлениях явно грамматического характера.

Итак, из всего сказанного в этом разделе можно сделать вывод: гипотеза о переходе семантических изменений в изменения грамматического характера обладает значительной объяснительной силой по крайней мере в отношении такой частной грамматической категории, какой является категория предложного падежа имени существительного в русском языке. Насколько эта гипотеза оправдана в масштабах языка в целом, судить пока очень трудно. В то же время ее методологические достоинства совершенно очевидны, что заставляет относиться к ней с должным вниманием.

9. Методологические предпосылки разработки лингвистической теории языкового развития. Взгляды Е. Д. Поливанова на процесс развития языка

Выше уже говорилось, что при создании всякой научной теории большое значение имеют и философские взгляды исследователя, его мировоззрение. Судьба многих концепций языкового развития, имевших место в истории языкознания, уже с самого начала была предопределена ограниченностью общего представления о развитии языка. Последнее обстоятельство хорошо показано Р. А. Будаговым, который с точки зрения диалектического представления о развитии дает развернутую критику целого ряда лингвистических концепций развития языка, начиная с концепции о развитии как «порче» языка [50]. С этой критикой нельзя не согласиться. В рав-

[50] См. Р. Будагов. Проблемы развития языка, стр. 5—40.

ной мере необходимо признать и правильность общего подхода Р. А. Будагова к процессу развития языка. Это относится в первую очередь к положению о языковом развитии как процессе совершенствования языка и к положению о противоречии как движущей силы языкового развития [51]. В то же время здесь необходимо четко отделить вопрос о правильности исходных философских посылок о процессе языкового развития от вопроса их конкретной лингвистической интерпретации. Если исходные философские посылки Р. А. Будагова суть краеугольные положения философии диалектического материализма, то их конкретная лингвистическая интерпретация принадлежит Р. А. Будагову как лингвисту-теоретику, так что естественно ожидать наличия различных точек зрения по вопросам лингвистической интерпретации одних и тех же философских положений. Именно так обстоит дело с лингвистической интерпретацией положения о противоречии как движущей силе языкового развития. Наряду с точкой зрения проф. Р. А. Будагова [52] существуют и другие взгляды [53] на то, что в языковой действительности считать исходным противоречием развития языка. Не вдаваясь в обсуждение всех имеющихся точек зрения (это должно стать темой отдельного исследования), заметим, что в вопросе об исходном противоречии процесса развития языка мы будем следовать взглядам Е. Д. Поливанова. Хотя изложенная в ряде работ Е. Д. Поливанова концепция языковой эволюции

---

[51] См. там же, стр. 31—33 и сл.

[52] «Потребности (в широком смысле) говорящих на данном языке людей — вот основной фактор развития всякого языка. ...между подобными потребностями и ресурсами языка в каждую историческую эпоху возникают противоречия. Они-то и определяют движение и совершенствование языка». Р. А. Будагов. Проблемы развития языка, стр. 36.

[53] В виду имеются различные формулировки принципа экономии, в которых, как правило, содержатся и определения исходного противоречия. Напр., А. Мартине указывает: «Постоянное противоречие между потребностями общения человека и его стремлением свести к минимуму свои умственные и физические усилия может рассматриваться в качестве движущей силы языковых изменений» (А. Мартине. Основы общей лингвистики, стр. 532—533). Д. Н. Шмелев пишет о двух противостоящих друг другу тенденциях — «к регулярности (т. е. к большему автоматизму), с одной стороны, и к экспрессивности (т. е. разрушению автоматизма), с другой». (Д. Н. Шмелев. О семантических изменениях..., стр. 16).

подверглась в последние годы широкому обсуждению [54], думается, что именно с методологической точки зрения она не получила должной оценки. Так, например, Вяч. Вс. Иванов в содержательной статье «О лингвистических взглядах Е. Д. Поливанова» подводит значение эволюционной концепции Е. Д. Поливанова к принципу экономии языковых средств и в соответствии с этим говорит о теории экономии языковых средств, а не о теории языковой эволюции Е. Д. Поливанова. Эволюционная концепция Е. Д. Поливанова представляет, по мнению Вяч. Вс. Иванова, интерес лишь в свете исследований Д. Ципфа, А. Мартине и ученых, применяющих к исследованию языка теорию информации [55]. К подобной оценке эволюционных взглядов Е. Д. Поливанова склоняются и другие исследователи [56].

Представляется однако, что взгляды Е. Д. Поливанова не сводятся лишь к формулированию принципа экономии. Вопрос ставится им гораздо глубже, а сам принцип экономии обосновывается не только фактическим языковым материалом, но и выводится из устанавливаемого им исходного противоречия, понимаемого как движущая сила процесса развития языка. Это можно легко показать, если обратиться к статье Е. Д. Поливанова «Где лежат причины языковой эволюции?» [57].

Статья открывается формулированием так называемого парадокса изменения (язык изменяется и не изменяется одновременно), подобного парадоксу летящей стрелы Зенона. Этот парадокс неоднократно отмечался многими исследователями, а Ф. де Соссюру послужил исходной точкой установления дихотомии «синхрония — диахрония» [58]. Е. Д. Поливанов дает совершенно оригинальную трактовку парадокса изменения, увязывая его

---

[54] См. раздел «Основная литература о Е. Д. Поливанове» в кн. Е. Д. Поливанов. Статьи по общему языкознанию, стр. 46—47.

[55] См. В. В. Иванов. Лингвистические взгляды Е. Д. Поливанова, ВЯ, 1957, № 3.

[56] См., напр., Л. П. Крысин. Вопросы языковой эволюции в работах Е. Д. Поливанова, сб. «Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е. Д. Поливанова», т. I, Самарканд, 1964; там же, А. А. Леонтьев. «Экономия произносительных усилий» — фикция или действительность?

[57] Е. Поливанов. Где лежат причины языковой эволюции?, сб. «За марксистское языкознание»; также Е. Д. Поливанов. Статьи по общему языкознанию.

[58] См. об этом Э. Косериу. Синхрония..., стр. 143—144.

с реально протекающими процессами языкового преемства между поколениями и исторического изменения языков. Далее Е. Д. Поливанов останавливается на лингвистической характеристике двух этих процессов и связывает процесс языкового преемства с изменениями словарного характера, а процесс исторического изменения языков (напр., превращение латинского в французский и итальянский) с изменениями фонетическими и грамматическими. Изменения первого рода он считает количественными, а изменения второго рода качественными изменениями языка. Только после этого Е. Д. Поливанов подходит к своей формулировке принципа экономии. Парадокс изменения представляет собой противоречие, и, как всякое противоречие, оно должно разрешаться в действительности. Разрешение парадокса изменения Е. Д. Поливанов видит в том, что язык представляет собой один из видов трудовой человеческой деятельности. «Как это ни странно, но тот коллективно-психологический фактор, который всюду при анализе механизма языковых изменений будет проглядывать как основная пружина этого механизма, действительно, есть то, что, говоря грубо, можно назвать словами: «лень человеческая» или — что то же — стремление к экономии трудовой энергии» [59].

Таким образом, принцип экономии не просто принимается сам по себе, а выводится Е. Д. Поливановым из парадокса языкового изменения. Весьма существенно, что при этом Е. Д. Поливанов не ограничивается только констатацией известных положений марксистской диалектики, а прослеживает, как они реализуются в языковой действительности. В этом и состоит существо научного диалектического метода [60].

---

[59] Е. Поливанов. Где лежат причины..., стр. 43; в кн. Е. Д. Поливанов. Статьи по общему языкознанию, стр. 81.

[60] Ср. следующее высказывание Ф. Энгельса о научном методе К. Маркса: «При этом методе мы исходим из первого и наиболее простого отношения, которое исторически, фактически находится перед нами... Это отношение мы анализируем. Уже самый факт, что это есть **отношение** означает, что в нем есть две стороны, которые **относятся друг к другу**. Каждую из этих сторон мы рассматриваем самое по себе; из этого вытекает характер их отношения друг к другу, их взаимодействие. При этом обнаруживаются противоречия, которые требуют разрешения. Но так как мы здесь рассматриваем не абстрактный процесс мысли, который происходит только в наших головах, а действительный процесс, когда-либо совершавшийся или

Мировоззренческое понимание процесса языкового развития Е. Д. Поливановым можно поэтому охарактеризовать как подлинно историческое и диалектическое.

Коротко суть этого понимания сводится к трем положениям:

1) В качестве движущего источника развития признается парадокс лингвистического изменения, которому дается социальная интерпретация (лингвистическая интерпретация парадокса нуждается, однако, в некотором уточнении);

2) Разрешение противоречия ведет к экономии языковых средств;

3) Процесс языкового развития осуществляется в порядке перехода количественных изменений в качественные изменения языка.

Если этот взгляд Е. Д. Поливанова на языковую эволюцию взять за основу, то можно дать конкретное лингвистическое описание общего представления о развитии языка [61].

10. Общее представление о процессе развития языка

Установим сначала, к чему сводится парадокс языкового изменения при рассмотрении его с лингвистической точки зрения. Это означает, что необходимо ответить на два вопроса: что представляет собой язык в смысле его неизменности и чем он является, когда говорят об изменении языка. Ответ на оба вопроса не представляет ни малейшей трудности, если ограничиться только указанием двух основных функций, которые язык выполняет в обществе. Во-первых, язык есть средство общения, средство взаимопонимания, и в этом смысле

все еще совершающийся, то и противоречия эти развиваются на практике и, вероятно, нашли свое решение. Мы проследим, каким образсм они разрешались, и найдем, что это было достигнуто установлением нового отношения и что теперь нам надо развивать две противоположные стороны этого нового отношения и т. д.». К. Маркс. К критике политической экономии, Госполитиздат, 1949, стр. 236.

[61] Первую попытку такого рода авторы предприняли в докладе на лингвистической конференции, посвященной памяти Е. Д. Поливанова. См. тезисы доклада: Л. А. Андреева, С. Ф. Занько. Взгляды Е. Д. Поливанова на эволюцию языка и современные представления о языковом развитии, сб. «Актуальные вопросы...», т. I, стр. 21—22.

он представляет собой код [62]. Во-вторых, язык есть орудие мышления, и в этом смысле он кодом не является, а «выступает как средство закрепления и передачи достижений человеческого мышления, человеческого знания» [63].

Отношения между языком как средством коммуникации и языком как орудием мышления является первым отношением, которое подлежит дальнейшему анализу при рассмотрении процесса развития языка. Причем это отношение—не абстракция, а действительное отношение, которое «фактически находится перед нами». Фактом является то, что люди, пользуясь языком, понимают друг друга. В равной мере факт, что в процессе пользования языком, люди выражают свои мысли. Процесс взаимного понимания был бы невозможен, если в распоряжении людей не было общего кода. Процесс выражения мыслей был бы невозможен, если бы в языке не закреплялись результаты человеческого отражения окружающей действительности.

Рассматривая каждую из сторон этого отношения в отдельности, можно установить, как она реализуется в действительности.

Каждый человек, поскольку он пользуется языком как орудием мышления, выступает как активный участник речетворческого процесса. В этом процессе он не только и не столько «изобретает» новые слова [64], сколько создает новые словоупотребления, вызывая тем самым к жизни те явления, о которых шла речь в связи с примером о глаголе «состоять» в русском языке 18 века [65].

---

[62] Ср. «Опираясь на понятия кода и кодирования, мы можем определить структурную лингвистику как науку, имеющую своим предметом изучение естественных языков с точки зрения их преобразования в абстрактные коды, служащие формальными моделями естественных языков» (В. В. Иванов и С. К. Шаумян. Лингвистические проблемы кибернетики и структурная лингвистика, сб. «Кибернетику на службу коммунизму», М.-Л., 1961, стр. 220.

[63] А. А. Леонтьев. Возникновение...., стр. 123—124.

[64] Вспомним, например, сколько новых терминов понадобилось Л. Ельмслеву для точного выражения своих мыслей в «Пролегоменах к теории языка».

[65] «...при говорении мы часто употребляем формы, которых никогда не слышали от данных слов, производим слова, не предусмотренные никакими словарями, и, что главное,... сочетаем слова, хотя и по определенным законам их сочетания, но зачастую самым неожиданным образом, и во всяком случае не только употребляем

Суть последних, как уже указывалось, состоит в пополнении числа денотативных и функциональных значений, передаваемых в речи всей совокупностью языковых средств выражения. Сама по себе тенденция к количественному увеличению числа денотативных и функциональных значений, передаваемых в речи, безгранична, так как безграничен процесс познания человеком окружающего мира и соответствующий ему процесс самопознания человека. Но действительность общественной жизни человека накладывает на этот сам по себе безграничный процесс речетворчества определенные ограничения. В связи с тем, что всякий индивидуум смертен, процесс речетворчества может продолжаться лишь путем языкового преемства между различными поколениями говорящих на данном языке. Иначе говоря, процесс речетворчества оказывается опосредованным процессом обучения в самом широком смысле, всегда подразумевающим и обучение языку. Вследствие этого и процесс количественного роста числа денотативных и функциональных значений, передаваемых языковыми средствами, всегда сопровождается и дополняется процессом выхода из употребления ряда значений, свойственных отдельным поколениям людей [66].

Все же последний процесс играет явно второстепенную роль по сравнению с другим процессом, который можно выделить в языковой действительности, если рассмотреть вторую сторону отношения между языком как орудием мышления и языком как средством коммуникации.

В диалоге каждый собеседник стремится не только точно выразить свою мысль, используя для этого языковые средства семантического характера. Он стремится также быть понятым другим собеседником и понять другого собеседника, т. е. достигнуть взаимопонимания. Чтобы взаимопонимание могло осуществляться, собе-

---

слышанные сочетания, но постоянно делаем новые». Л. В. Щерба. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании, Изв. АН СССР, Серия VII, Отд. обществ. наук, 1931, 1, стр. 113.

[66] Относительно терминов, введенных Л. Ельмслевом, это означает, что большая их часть будет рано или поздно отождествлена с общепринятой терминологией и исчезнет из «языка» лингвистики точно так же, как исчезла из «языка» философии большая часть гегелевской терминологии.

седники должны располагать общим запасом языковых средств (лексических, грамматических и фонетических), обладающих одним и тем же коммуникативным содержанием. Это означает, что собеседники должны владеть системой языка (морфологической, синтаксической и фонологической). Но эта система не дана человеку от рождения. Она формируется в процессе коммуникации. Таким образом, в диахроническом плане процесс коммуникации представляет собой процесс языкотворчества, процесс непрерывной систематизации лексических, грамматических и фонетических средств выражения мысли, процесс становления сложной иерархически организованной системы коммуникативных средств.

С этим выводом согласуется отмечаемое некоторыми исследователями положение о сравнительно более позднем возникновении системного характера языка. Вот, например, что пишет по этому поводу Вяч. Вс. Иванов: «Сопоставление со звуковой системой сигналов у обезьян, где отсутствует членение на уровни и каждый из нескольких десятков сигналов является неразложимой единицей, противопоставленной всем остальным сигналам, показывает, что сложная иерархическая организация языка является относительно поздним достижением человечества» [67].

Следует заметить, что сама по себе тенденция к систематизации имеет четкий предел — универсальный, т. е. общий для всех без исключения собеседников, язык. Но действительность языкового общения накладывает на этот предел определенные ограничения, определяемые, с одной стороны, ограниченностью объема человеческой памяти, с другой стороны, ограниченностью самой коммуникативной потребности людей. Так что на самом деле возможность универсального языка дана только в бесконечности исторического развития общества, а процесс языкотворчества дополняется в действительности процессами формирования диалектов (социальных и территориальных) и стилей языка. Смысл этих процессов состоит в сведении к оптимуму (определяемому двусторонне объемом человеческой памяти и размерами ком-

---

[67] В. В. Иванов, Теория фонологических различительных признаков, сб. «Новое в лингвистике», вып. II, ИИЛ, М., 1960, стр. 158—159.

муникативной потребности на данном этапе развития общества) числа функциональных и денотативных значений, выходящих из процесса речетворчества. Происходит это путем принятия инноваций.

Итак, рассмотрение сторон отношения между языком как орудием мышления и языком как средством коммуникации приводит к установлению явного противоречия. С одной стороны, процесс речетворчества есть увеличение числа семантических средств выражения мысли, с другой стороны, процесс систематизации, процесс языкотворчества есть процесс их количественного уменьшения.

Как же это противоречие разрешается в действительности?

Ответ на этот вопрос авторы склонны усматривать в динамическом представлении об общей норме языка. В общей норме языка две указанные противоречивые тенденции находятся в состоянии динамического равновесия. Общая норма языка представляет собой данное состояние языка, его синхронический срез, где сталкиваясь и противостоя друг другу, реализуются основные тенденции процесса языкового развития: тенденция к количественному пополнению средств выражения и тенденция к их систематизации. Взаимодействие этих тенденций составляет источник процесса развития языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Странным и, пожалуй, даже парадоксальным должно казаться непредубежденному человеку положение, сложившееся в современной лингвистике с научной разработкой идеи развития языка. В самом деле, как могло получиться, что идея, обладающая колоссальной объяснительной силой, идея, которая по существу сделала языкознание наукой, оказалась вдруг вне круга самых актуальных проблем науки о языке?

Смысл этой работы и состоит в том, чтобы показать, что дело здесь не в самой идее развития. Достижения структурной лингвистики ничуть не ставят под сомнение идею развития языка. Наоборот, под сомнение нужно поставить ряд структуралистских догм, имеющих не научно-лингвистический, а философский характер, причем, характер, чуждый марксистскому диалектическому ми-

ровоззрению. Однако от подлинных научных достижений структурной лингвистики отказываться нельзя. Их следует переосмыслить под углом зрения идеи развития языка.

Что же касается ряда изложенных в этой работе идей и гипотез, то они отнюдь не представляются бесспорными. Авторы ставили перед собой задачу показать актуальность научной разработки идеи развития языка, показать, что такая разработка может дать современной лингвистике и обрисовать те лингвистические и методологические предпосылки, которые заставляют ставить вопрос о разработке лингвистической теории языкового развития. Вполне понятно, что решение этих задач невозможно без осмысления общего представления о развитии языка, без выражения собственного взгляда на процесс языкового развития.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АБI — Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанная самим им для своих потомков, т. I, 1738—1793.

АК — Архив Князя Ф. А. Куракина, издаваемый им под редакцией М. И. Семеновского, кн. I, 1890.

ВГ — Введение в географию, М., 1771.

ЗС — Зеркало света, № 56, 1787.

ЛРГ — М. Ломоносов, Российская грамматика, С.-Петербург, 1788.

Пр — Переворот 1762 года, Сочинения и переписка участников и современников, Московское товарищество «Образование».

РЖУ — А. Н. Радищев. Житие Федора Васильевича Ушакова, в кн.: «Русская проза 18 века», т. 2., М.-Л., 1956.

СМЖ — А. П. Сумароков. Ссора у мужа с женою, в кн.: «Русская комедия и комическая опера 18 века», «Искусство», М.—Л., 1950.

СПI — Собрание новейших и любопытных в разныя части света путешествий, т. I, М., 1816.

Заказ А-260 Тираж 800 Цена 15 коп. ПФ 03020

Типография «Татполиграф» Управления по печати
при Совете Министров ТАССР.
г. Казань, ул. Миславского, 9.

Цена 15 коп.